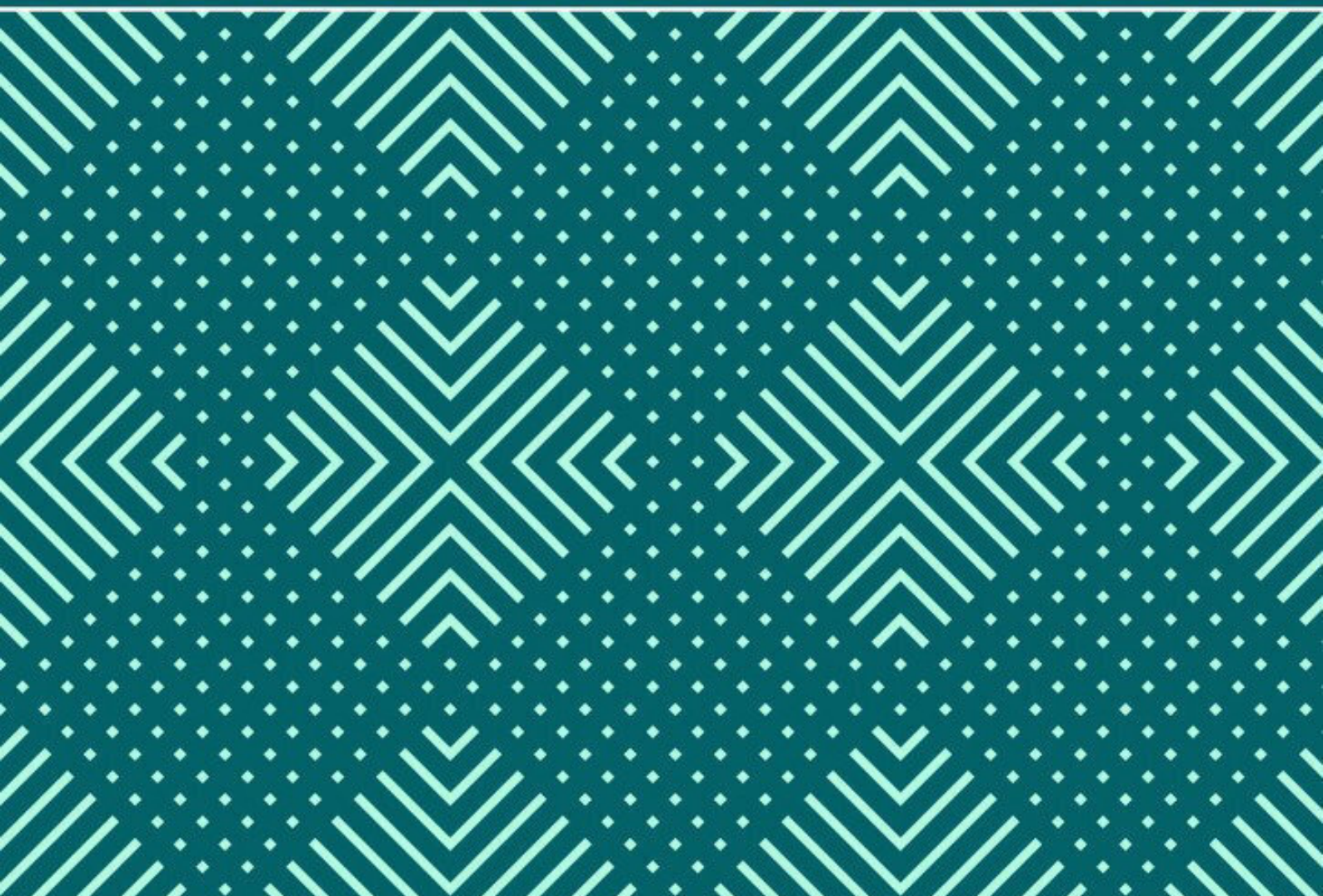

18+

Антон Назаров

*Осень
в Париже, или
Время для себя*

Антон Назаров

**Осень в Париже,
или Время для себя**

«Издательские решения»

Назаров А. А.

Осень в Париже, или Время для себя / А. А. Назаров —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681826-2

Встреча в Париже переворачивает жизнь Марии, зрелой женщины, привыкшей к роли вдовы и бабушки. Колочий русский художник Константин будит в ней забытые чувства, заставляя выбирать между долгом перед семьёй и правом на личное счастье. Поздняя любовь становится для них испытанием, которое нужно пройти, чтобы обрести шанс на новую жизнь.

ISBN 978-5-00-681826-2

© Назаров А. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Осень в Париже, или Время для себя

Антон Анатольевич Назаров

© Антон Анатольевич Назаров, 2025

ISBN 978-5-0068-1826-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Роман: «Осень в Париже, или Время для себя»

Аннотация:

Мария, успешный архитектор на пенсии, всегда жила для других: для мужа, который рано ушел из жизни, для дочери, построившей свою карьеру в другом городе, и для безупречного порядка в доме. Когда дочь настаивает, чтобы Мария наконец-то отдохнула и отправилась в обещанное когда-то путешествие в Париж, та с сопротивлением соглашается. Она думает, что в пятьдесят пять лет ее жизнь давно определена, а романтические приключения остались в прошлом. Но Париж, город света и любви, приготовил для нее сюрприз в лице русского художника Константина, такого же уставшего от одиночества и такого же не верящего в случайности. Смогут ли они, пройдя через обиды прошлого и страхи будущего, позволить себе еще один шанс? И что важнее: долг перед семьей или право на собственное счастье?

Ключевые персонажи:

– **Мария Иванова (55 лет):** Вдова, архитектор на пенсии. Аккуратная, умная, немного замкнутая. Живет воспоминаниями о муже и тревогами о дочери. В душе – романтик, но тщательно это скрывает.

– **Константин Волков (60 лет):** Художник, переехавший в Париж 10 лет назад после болезненного развода. Яркий, харизматичный, немного циничный, но с добрым сердцем. Живет в собственной мастерской на Монмартре.

– **Анна (30 лет):** Дочь Марии, успешный юрист. Любит мать, но по-своему, часто проявляя это в форме контроля и непрошенных советов.

– **Сергей (45 лет):** Брат покойного мужа Марии, который давно и нежно к ней относится и надеется занять место в ее сердце.

Глава 1

Осень в этом году выдалась на редкость затяжной и серой. Дождь, не переставая, стучал в окно уже третьи сутки, и Мария ловила себя на том, что мысленно составляет смету на ремонт отсыревшего фасада их панельной девятиэтажки. Привычка, от которой не избавиться даже спустя пять лет на пенсии.

Она поправила очки и взглянула на экран ноутбука. Чертеж нового торгового центра, который делала для небольшой фирмы в качестве консультанта, был почти готов. Это было ее личное правило – брать не больше одного проекта в квартал. Чтобы мозги не закисли, как говорила дочь Аня. И чтобы было на что купить хороший чай и книги. Не в деньгах была нужда, муж оставил хорошую страховку, а в ощущении собственной нужности.

Заскрипела замочная скважина, и в прихожей послышался знакомый громкий голос:

– Мам, я дома! Ты тут не замочла от сырости?

Аня влетела в комнату, вся пахнувшая мокрой осенью, дорогими духами и энергией. В свои тридцать она была воплощением успеха: дизайнерское пальто, идеальная стрижка, умный и немного уставший взгляд юриста, привыкшего все контролировать.

– Я не фарфоровая кукла, чтобы таять от дождя, – улыбнулась Мария, закрывая ноутбук. – Как дела? Не замерзла?

– Вечно ты обо мне, – Аня повесила пальто и присела на диван напротив. Ее взгляд упал на открытый путеводитель по Парижу, лежавший на журнальном столике. Книга была старой, потрепанной, с закладками из пожелтевших билетов в музей. – Мам, мы с тобой говорили.

Мария вздохнула. Говорили. И не раз. Эта поездка была обещана ей самой себе еще... при муже. Они мечтали: вот построим дом, вот вырастим Аню, вот выйдем на пенсию и уедем в Париж на целый месяц. Но дом построили, Аню вырастили, а на пенсию он так и не вышел. Остановилось сердце прямо на стройплощадке, в самый разгар проекта.

– Анечка, не начинай. В ноябре? Сыро, холодно. Да и одной... В моем возрасте это как-то нелепо.

– В твоем возрасте как раз самое время! – Аня подвинулась ближе, и в ее глазах Мария увидела не только настойчивость, но и тревогу. – Ты всю жизнь заботилась о папе, потом обо мне, теперь о своих кактусах. Когда же ты поживешь для себя? Папа хотел, чтобы ты поехала. Он бы настаивал.

Это был удар ниже пояса. Честный и точный. Мария отвела взгляд, глядя на дождевые струи, стекающие по стеклу. Париж. Город ее юношеских грез. Теперь он казался таким далеким, почти сказочным, как Атлантида.

– Я подумаю, – тихо сказала она.

– Не думай, а решай! – Аня достала из сумки распечатанные листы. – Смотри. Я уже посмотрела туры. Есть отличный недельный тур «Париж для гурманов». Или вот – «Тайны Монмартра». Все организовано, тебе не о чем волноваться.

Мария взяла листы. Яркие фотографии улыбающихся людей на фоне Эйфелевой башни. Они казались чужими и нереальными. Она представила себя в этой толпе туристов. Одинокую женщину в элегантном, но уже не молодом возрасте, которая пытается не отстать от группы.

– Я не хочу в тур, Аня. Если уж ехать, то самой.

Дочь замерла с открытым ртом.

– Самостоятельно? Мама, ты уверена? Язык... Ориентация...

– Я учила французский в институте. И у меня есть карта, – Мария ткнула пальцем в путеводитель. – Я не беспомощная. Просто... мне нужно время.

Аня смотрела на нее с новым, незнакомым чувством – уважением, смешанным с испугом.

– Хорошо, – медленно сказала она. – Ты правда подумаешь об этом?

– Да, – кивнула Мария, и впервые за долгие годы в ее голосе прозвучала не привычная покорность, а твердость. – Я подумаю.

После того как Аня уехала к себе, Мария подошла к книжной полке и достала старый фотоальбом. На первой странице – они с мужем, молодые, счастливые, на фоне картонного Эйфелева башни в парке Горького. «Когда-нибудь, Маш, мы увидим настоящую», – сказал он тогда.

Она закрыла альбом и посмотрела в окно. Дождь почти прекратился. И сквозь разрывы туч вдруг пробился луч заходящего солнца, золотя мокрые крыши. Возможно, дочь была права. Возможно, пришло время не вспоминать о мечтах, а воплощать их.

Она открыла ноутбук и в поисковой строке набрала: «Аренда квартиры в Париже, район Сен-Жермен-де-Пре».

Глава 2

Квартира в районе Сен-Жермен-де-Пре оказалась именно такой, как на фотографиях: крошечной, но удивительно уютной. Высокие окна в пол выходили на тихий, мощеный булыжником внутренний двор, а изразцовый камин, пусть и неработающий, создавал ощущение домашнего тепла. Багаж стоял у стены, еще не распакованный. Мария сидела на краю кровати и чувствовала себя абсолютно опустошенной.

Дорога оказалась утомительнее, чем она предполагала. Язык, который она когда-то знала, теперь рождал в памяти лишь обрывочные фразы, и продавец в бакалее у метро смотрел на ее попытки что-то спросить с вежливым недоумением. Париж за окном был не тем теплым и гостеприимным городом из ее грез, а шумным, серым и чужим.

«Что я здесь делаю?» – этот вопрос преследовал ее с самого момента приземления в Шарле-де-Голль. В пятьдесят пять лет бегать по музеям одной, как студентка-бэкпекер? Это было нелепо.

Она заставила себя встать, открыть чемодан и развесить платья в узком шкафу. Рядом с одеждой она аккуратно положила небольшую рамку с фотографией мужа. Он улыбался с нее своей спокойной, надежной улыбкой.

– Ну вот, Саш, мы и добрались, – прошептала она. – Только ты не со мной.

Глаза наполнились предательскими слезами. Мария резко отвернулась от фотографии. Нет. Она приехала сюда не для того, чтобы плакать. Она приехала... чтобы жить. Как бы пафосно это ни звучало.

План был простым: сегодня – освоиться, завтра – победить страх перед метро и дойти до Лувра. Она всегда находила утешение в искусстве, в строгих линиях архитектуры, в вечной гармонии форм.

На следующее утро, победив метро с видом заправского полковника, Мария несколько часов провела в бесконечных залах Лувра. Она шла не по путеводителю, а куда глядели глаза, и вскоре почувствовала приятную усталость в ногах и странное умиротворение в душе. «Мона Лиза» показалась ей маленькой и окруженной слишком шумной толпой, а вот в залах древнегреческой скульптуры было почти безлюдно. Она стояла перед Венерой Милосской, глядя на идеальные, вечные формы, и думала о том, как время беспощадно к мрамору, но милосердно к красоте, которую он хранит.

Выйдя из музея, она заблудилась. Карта на телефоне показывала одно, а реальные улицы расходились в совершенно других направлениях. Усталость брала свое, и Мария, следуя инстинкту, свернула в первую попавшуюся уютную улочку с рядом маленьких кафе.

Она выбрала то, где столики стояли прямо на брусчатке, под стеклянными козырьками. Заказала «кафе крем» и кусочек тарта татен, чувствуя, как дрожь в ногах понемногу утихает. Она достала блокнот и начала делать набросок фасада дома напротив, чисто машинально, чтобы занять руки. Это была ее старая привычка – фиксировать интересные архитектурные детали.

Ее покой нарушил громкий, немного хриплый голос, раздавшийся по-русски прямо у ее уха:

– Эй, осторожнее!

Мария вздрогнула и резко повернулась. Ее локоть задел край кофейной чашки, и та с грохотом опрокинулась на столик. Горячая коричневая лужа моментально разлилась по поверхности и потоком хлынула на соседний стул, где лежала папка с бумагами и разбросанные угольные эскизы.

– О боже! – в ужасе воскликнула Мария, хватая бумажные салфетки. – Простите, я нечаянно!

Перед ней стоял высокий мужчина лет шестидесяти, в берете и слегка потертой кожаной куртке. Его лицо, испещренное морщинами, но еще очень выразительное, исказилось гримасой досады.

– Нечаянно? – проворчал он, отскакивая и хватая промокшие листы. – В Париже нужно смотреть по сторонам, а не упиваться своим одиночеством.

Его слова ужалили. Мария, обычно сдержанная, почувствовала, как по щекам разливается румянец.

– Я пытаюсь извиниться, – сказала она холодно, продолжая вытирать стол. – Ущерб я, конечно, возьму.

Мужчина расстелил промокший эскиз на свободном стуле. На нем был набросан вид на базилику Сакре-Кёр с неожиданного ракурса. Линии были смелыми, живыми, но теперь уголь расплылся, превратив изображение в грязное пятно.

– Возместите? – он усмехнулся, и в его глазах мелькнула горькая искорка. – Это был лучший эскиз за день. Вдохновение, если вы знаете, что это такое, не купишь за деньги.

Мария сжала губы. Ее собственная раздраженность, накопленная за день страхов и усталости, вырвалась наружу.

– Если ваше вдохновение такое хрупкое, может, не стоит оставлять его без присмотра на стуле в публичном месте? Или вы специально поджидаете, пока какая-нибудь одинокая туристка прольет на него кофе, чтобы устроить драму?

Он поднял на нее взгляд, явно удивленный ее ответом. В его глазах промелькнуло что-то похожее на интерес.

– О, так вы еще и с характером, – протянул он, собирая остальные листы. – Русские? Узнаю наших. Всегда готовы к бою.

– В данном случае, к защите, – парировала Мария, чувствуя, как дрожь в коленях сменяется адреналином. – Я сказала, что возьму ущерб. Назовите сумму.

Он махнул рукой, уже скорее уставший, чем злой.

– Забудьте. Считайте, что вы добавили моему Сакре-Кёру немного... парижской атмосферы. Дождя и кофеина. – Он сунул промокшие листы в папку и, не попрощавшись, развернулся и зашагал прочь по мостовой, его высокая, чуть сутулая фигура быстро растворилась в толпе.

Мария осталась сидеть за столом, с комом обиды и досады в горле. Ее руки все еще дрожали. Какая нелепость! Первая настоящая встреча в Париже, и такая унижительная.

Она расплатилась и пошла к себе, не замечая больше ни архитектуры, ни прохожих. В голове крутилась лишь одна мысль: «Ясно. Этот город меня не ждал».

Но почему-то, подходя к двери своей квартиры, она вспомнила не его колкости, а его глаза. Усталые, насмешливые, но в момент, когда он смотрел на испорченный эскиз, в них было столько неподдельной боли. Боли творца, потерявшего часть своей работы.

И эта мысль почему-то заставило ее чувствовать себя чуть менее одинокой. Он был таким же чужим здесь, как и она. Таким же колючим и раненым.

Она зашла в квартиру, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Тишина и одиночество снова обрушились на нее. Но теперь в них была новая нота – тревожное, раздраженное любопытство.

Глава 3

Следующие два дня Мария провела, отгородившись от города. Она ходила в ближайший супермаркет, готовила себе простые завтраки и ужины, и большую часть времени читала, сидя у большого окна. Она будто откладывала настоящий Париж на потом, выжидая.

На третий день зазвонил телефон. Аня.

– Мам, ну как? Дошел ли мой бесстрашный путешественник? Фотографии будут?

Мария вздохнула, глядя на свой нетронутый фотоаппарат.

– Все хорошо, дорогая. Город очень... интересный.

– Ты ходила в Лувр? На Эйфелеву башню?

– В Лувр – да. Очень многолюдно.

– А что еще? Мам, ты же не сидишь все время в квартире? – в голосе Ани снова зазвучала знакомая тревога.

Мария представила, как рассказывает дочери про инцидент в кафе. Про грубого русского художника. Аня бы сразу начала волноваться: «Вот видишь, я же говорила! Тебя окружают неадекватные люди!». Нет, уж лучше промолчать.

– Конечно, не сижу. Просто осваиваюсь. Сегодня как раз планирую дойти до Сены.

После разговора с дочерью она почувствовала себя виноватой. Аня вложила в эту поездку столько энергии, а она тут прячется, как мышь в норке. «Хватит, – строго сказала себе Мария. – Ты не для того сюда приехала».

Она надела самое удобное пальто и пошла гулять без цели. Она шла по набережной Сены, смотрела на букинистов, раскрывающих свои ящики с сокровищами, на туристов, на парочки, целующиеся на мостах. Одиночество снова накатило волной, но на этот раз оно было не таким гнетущим. Оно было легкой, щемящей грустью, которую она признавала своей частью.

Решив купить книгу – просто так, для тактильного ощущения старой бумаги, – она зашла в одну из лавок. Она просматривала полки с альбомами по искусству, как вдруг за спиной раздался знакомый хриплый голос:

– Ну надо же. Кофейная амазонка.

Мария обернулась. Он стоял в проходе, держа в руках потрепанный томик Бодлера. Сегодня на нем не было берета, и она разглядела густые, почти совсем седые волосы, зачесанные назад. Выглядел он менее воинственно, но все так же насмешливо.

– Я думала, вы рисуете, а не читаете, – не удержалась она от колкости, чувствуя, как снова краснеет.

– А я думал, вы рисуете фасады, а не покупаете книги, – парировал он, указывая подбородком на альбом с работами Огюста Перре, который она держала в руках. – Перре? Солидный выбор. Архитектор?

Мария была удивлена. Не каждый мог узнать стиль этого архитектора с первого взгляда.

– Был когда-то, – ответила она сдержанно. – А вы... художник, я полагаю?

– Предполагайте смелее, – он улыбнулся, и его лицо сразу преобразилось, морщинки у глаз сложились в лучики. Улыбка была обаятельной, хоть и немного уставшей. – Константин. Для врагов – Костя. А для тех, кто льет на мои эскизы кофе, пока не определился.

Неожиданно для себя Мария улыбнулась в ответ.

– Мария. И я снова приношу извинения за тот кофе.

– Принято, – кивнул он. – Если вам действительно неспокойно на душе, можете компенсировать ущерб, составив мне компанию за чашкой того самого злополучного напитка. Вон в том кафе, – он мотнул головой в сторону улочки, – кофе хоть и не лучше, но столики покрепче стоят.

Это было скорее вызов, чем приглашение. Мария колебалась секунду. Быть может, это не лучшая идея. Но что-то в его прямолинейности, в этой смеси грубости и усталой искренности, привлекало ее. Это было реально. Живо. В отличие от глянцевого буклета из туристического буклета.

- Только если вы обещаете не устраивать драму, если я что-то опрокину, – сказала она.
- Обещаю ограничиться легкой сатирой, – пообещал он.

Через десять минут они сидели за маленьким столиком в другом кафе, и Мария с удивлением слушала, как легко льется их разговор. Он говорил о Париже не как турист, а как человек, который знает все его изнанки и потаенные уголки. Он шутил над туристами на Монмартре, но в его шутках не было злобы, а была какая-то грустная привязанность.

– А вы надолго в Париж? – спросил он, закуривая сигарету. Мария поморщилась, и он тут же потушил ее. – Извините. Вредная привычка.

– Недели на две, – ответила Мария. – Первый раз.

– Самый трудный, – кивнул Константин. – Город может быть жесток к новичкам. Особенно к тем, кто приезжает сюда один... в надежде что-то найти.

Его слова попали точно в цель.

– А вы что нашли? – спросила она прямо.

Он посмотрел на нее внимательно, оценивающе.

– Покой. И право быть самим собой. Здесь всем плевать, кто ты был в прошлой жизни. Здесь важно, кто ты есть сейчас. А кто ты есть, Мария-архитектор?

Она задумалась. Кто она сейчас? Пенсионерка? Вдова? Мать взрослой дочери? Гостья в чужом городе?

– Я... пока в процессе выяснения, – честно ответила она.

– Самый интересный процесс, – улыбнулся Константин. – Добро пожаловать в клуб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.